

П. С. ЗАВТРИКОВА

г. Гомель, УО «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

**АТРИБУТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАШЕГО ПУТИ
В ТЕКСТАХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА**

*В статье рассматривается функционирование комплекса **наш** путь в текстах Национального корпуса русского языка. Анализируются значения слова **путь**, зафиксированные в корпусных контекстах. Выявляются закономерности атрибутивной характеристики **нашего** пути. Ключевыми факторами, влияющими на употребление исследуемого комплекса, становятся широкая семантика слова **путь**, значение **посессива наш**, а также реализация взаимосвязи категорий пространства и времени.*

Свойственные человеку рассуждения могут заключаться в интерпретации как внешнего мира, так и внутреннего. Осмысляя свою причастность к тем или иным социальным группам, носитель языка зачастую обращается к вербальным средствам, обозначающим или характеризующим совокупность людей. Индивидуальное «я» заменяется коллективным «мы», глагол-предикат обретает форму множественного числа, более широким становится денотативное поле признаковой лексики.

В данной работе рассматривается функционирование комплекса **наш** путь в текстах Национального корпуса русского языка [1]. Цель исследования – выявить закономерности атрибутивной характеристики **нашего** пути. Для этого необходимо установить предмет референции в корпусных текстах, повествующих о **нашем** пути, проанализировать прилагательные, описывающие путь как принадлежащий некоторому коллективу.

Местоименно-посессивный комплекс **наш** путь зафиксирован в 212 контекстах Национального корпуса русского языка. Слово **путь** реализуется в разных значениях:

1) ‘железнодорожная или трамвайная колея, линия’ [2]: *Воинские уездные начальники, служившие Директории, могли стягивать мобилизованных только через **наш** район и, следовательно, **по нашим железнодородным путям*** [Н. Махно. Воспоминания (1929)];

2) ‘пространство, по которому осуществляется транспортное сообщение’ [2]: *Без участия Ивана Иваныча защита **наших северных морских путей** могла бы, пожалуй, потерпеть неудачу* [В. Каверин. Два капитана (1938-1944)];

3) ‘расстояние, которое проходит или проезжает кто-л.’ [2]: *Эта уверенность укреплялась видом ликующего народа по городам и станциям на всем протяжении **нашего десяти тысячеверстного пути на запад*** [Г. Семенов. О себе (1938)];

4) ‘передвижение куда-л.; поездка, путешествие’ [2]: *Не без труда мы нашли себе места в пассажирском вагоне, и так начался **наш обратный путь** из Софии в Вену* [Б. Ефимов. Десять десятилетий (2000)];

5) ‘направление движения, маршрут’ [2]: ***Наш дальнейший путь** лежал по заросшей травой и сорняком морене* [Н. Николаева. Караугом (1931)];

6) ‘направление деятельности, развития кого-, чего-л.’ [2]: *Позже **наши карьерные пути** разошлись, но мы общаемся до сих пор* [Э. Савкина. «Я был последним комсомольским секретарем в КуАИ» // «Дело» (Самара) (2002)];

7) ‘средство, способ достижения чего-л.’ [2]: *И мне становится совершенно ясно, что **наш революционный путь** здесь – путь, вступив на который мы в районе нашей работы имели значительный успех среди трудовых масс, – верный путь* [Н. Махно. Воспоминания (1929)];

8) ‘жизнь человека, её течение’ [2]: *Не раз **наши жизненные пути** пересекались, а то и вовсе шли одной колеёй* [А. Горшенин. Многостаночник // «Сибирские огни» (2013)].

Как видно, слово *путь* обладает широкой семантикой и активно употребляется носителями языка как в прямом, так и в переносном смысле. Под переносными в данном случае понимаются реализации, когда слово *путь* от обозначения конкретной пространственной реалии переходит к обозначению абстрактного направления развития или течения чего-либо.

Примечательно, что из 11 значений, представленных в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова [2], реализуются не только восемь вышеприведённых, но и оставшиеся три, правда, в метафорическом переосмыслении.

Так, значение ‘полоса земли, служащая для передвижения (езды и ходьбы); дорога’ [2] актуализируется в случае использования при слове *путь* прилагательных, указывающих на форму или другие параметрические характеристики:

Закончатся когда-нибудь наши извилистые пути, и все мы придём туда – к Господу, Которого нету [Г. Владимов. Три минуты молчания (1969)].

Если носитель языка говорит о препятствии на абстрактном пути или, наоборот, о свободном пути, вместе с основным значением косвенно реализуется дополнительное, представленное в словаре как ‘место для прохода, проезда куда-л.’ [2]:

Городовой, Вукол Кузмич Мухолов, «лёг бревном» на нашем жизненном пути [Н. Лейкин. Из записной книжки отставного приказчика Касьяна Яманова (1874)].

Находит свое место в корпусных реализациях даже специальное анатомическое значение – ‘орган в виде канала, в котором совершается какая-л. деятельность’ [2]:

Страдание есть как бы раскаленный зонд, очищающий и расширяющий наши духовные дыхательные пути и тем впервые открывающий нам свободный доступ к блаженной глубине подлинной реальности [С. Франк. Непостижимое (1938)].

Такое разнообразное использование носителями языка слова *путь* в составе местоименно-посессивного комплекса демонстрирует актуализацию множества признаков денотата. Отметим, что среди анализируемых контекстов больше таких, в которых речь ведётся об условно абстрактном пути (123 контекста). Физический путь следования куда-либо характеризуется в 89 контекстах.

Значительная часть прилагательных, описывающих *наш путь*, характеризует его «временные координаты» (*будущий, вчерашний, послеобеденный, предыдущий, сегодняшний*) или временную протяженность (*дальнейший, двадцатилетний, двухнедельный, десятидневный, долгий, многолетний, многочасовой, недолгий, трехчасовой*), реже – дальность, причём также во взаимосвязи с временной характеристикой (*далекий, длинный, неблизкий*):

То же яркое, теплое солнце освещало и эту картину, одну из роскошнейших и самостоятельнейших, представших нам на нашем далёком пути [К. Случевский. Поездки по Северу России в 1885-1886 годах (1897)];

За весь наш многочасовой путь не попалась нам ни подвода, ни машина, ни случайный путник [А. Приставкин. Ночевала тучка золотая (1981)].

Эти реализации демонстрируют связь категорий пространства и времени. Данная закономерность прослеживается также в случае рассмотрения наиболее частотного прилагательного в исследуемых контекстах – *жизненный* (36 фиксации в качестве распространителя комплекса *наш путь*). Судя по всему, о жизненном пути, а не просто о жизни, носитель языка говорит в том случае, если хочет подчеркнуть протяжённость жизни.

В таком употреблении представлено фактическое слияние категорий пространства (в первую очередь, обозначенную словом *путь*) и времени (в первую очередь, обозначенную словом *жизненный*):

Мы рассматриваем свою жизнь, так сказать, в рамках своего человеческого рода и по-своему измеряем, длинен или короток наш жизненный путь [А. Эфрос. Профессия: режиссер (1975-1987)];

На этот раз на нашем жизненном пути появилась Лукеша, занимающая огромную квартиру первого этажа сталинского дома на Двинской [М. Куценогий. Прописка // «Волга» (2014)].

Выявляется еще одна закономерность, отчасти также связанная со значением ключевого слова в местоименно-посессивном комплексе. Даже если слово *путь* употреблено в переносном значении, рядом обнаруживаются слова, характерные для контекстов, в которых речь идет о физическом пути:

Еще неизвестно, усеян ли розами наш двухнедельный путь приготовишек к экзаменам по тёплому городскому асфальту [В. Липатов. И это все о нем (1984)];

Судьба прокладывает втайне от нас наши жизненные пути, предопределяет нечаянные встречи [А. Ларина (Бухарина). Незабываемое (1986-1990)].

Это обусловлено сочетаемостными закономерностями слова *путь* и стремлением носителей языка к яркой и образной речи.

Демонстративно оценочными становятся контексты, в которых в качестве распространителя комплекса *наш путь* употреблено качественное прилагательное (*великий, недостойный, радостный, славный, счастливый, трудный, тяжёлый*):

А когда следует, то и обрушиться едкой сатирой на недостатки и ошибки, все еще случающиеся на нашем трудном, великом пути [Л. Утесов. «Спасибо, сердце!» (1982)];

На рабочих столах и во всемирной паутине громоздятся дорожные карты, на которых начертан наш славный путь в светлое цифровое будущее [Т. Ершова. Цифровые бубенцы радостно звенят... // «Информационное общество» (2017)].

Человеку в принципе свойственно оценивать все окружающее, поэтому данная закономерность не требует детального рассмотрения.

Местоимение *наш* также влияет на употребление слова *путь* и на распространяющие его прилагательные. В исследуемых контекстах нередко фиксируются атрибутивы социально-исторической тематики (*демократический, интернационалистский, исторический, казачий, октябрьский, отечественный, революционный, российский, русский, эмигрантский*):

Всякая казачья политическая группировка пошла бы охотно по нашему казачьему пути, если бы мы любовь к станичной колокольне распространили на всю Россию [П. Посохов. Необходимо сказать // «Вольное казачество» (1930)];

Идея исторической поэтики: именно она оказалась на наших отечественных путях самым естественным и плодотворным выходом из краха нормативно-школьной марксистско-советской теории литературы [С. Бочаров. Огненный меч на границах культур. Идея обратного перевода (1998)].

Когда путь характеризуется по принадлежности коллективу, в текстах ожидаемо возникают подобные темы, ведь *наш путь* в одном из значений – это жизнь народа, к которому принадлежит говорящий.

Обращает на себя внимание прилагательной *особый* (8 фиксаций в качестве распространителя комплекса *наш путь*). Во всех случаях его употребления в анализируемых контекстах ведется речь об «особом пути» России. При этом нередко прослеживается ироничное описание:

Русские, как известно, долго запрягают, но потом... никуда и не едут. Просто запрягают и распрягают, распрягают и запрягают! Это и есть наш ОСОБЫЙ ПУТЬ! [Г. Горин. Иронические мемуары (1990-1998)];

Часть третья – историческая преемственность нашего «особого пути» [А. Кузнецов. Какое будущее глядит на нас со страниц учебников истории? // «Знание – сила» (2009)].

Исследователь О. М. Баранова пишет, что словосочетание *особый русский путь* является «своеобразной “меткой”, сигналом насторожиться, точкой, с которой начинается тестирование человека на предмет его политической позиции, а иногда и профессиональной адекватности» [3, с. 111]. Действительно, в русской культуре XIX – XX веков настолько много рассуждений на тему «особого русского пути», что сама эта формулировка становится своеобразным «триггером» к началу дискуссии.

Анализ корпусного материала показывает, что на употребление местоименно-посессивного комплекса *наш путь*, а также на выбор атрибутивов, распространяющих этот комплекс, оказывают влияние несколько факторов:

- 1) широкая семантика слова *путь*;
 - 2) взаимосвязь категорий пространства и времени, зачастую актуализируемая при повествовании о пути;
 - 3) закономерности сочетаемости слова *путь*;
 - 4) значение притяжательного местоимения *наш*.
- В совокупности эти факторы определяют многоплановый образ *нашего пути* и позволяют понять причины той или иной тематической специализации корпусных контекстов.

Список использованной литературы

- 1 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 27.01.2022.
- 2 Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. А. Кузнецов. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/путь>. – Дата доступа: 02.02.2022.
- 3 Баранова, О. М. «Особый русский путь», или эволюция становления новой культуры землепользования в России / О. М. Баранова // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2004. – № 1 (1). – Оренбург : ОГАУ, 2004. – С. 111–113.

The article deals with the functioning of the complex our path in the texts of the National Corpus of the Russian Language. The meanings of the word path fixed in corpus contexts are analyzed. Regularities of the attributive characteristics of our path are revealed. The key factors influencing the use of the studied complex are the broad semantics of the word path, the meaning of possessive our, as well as the realization of the interrelation between the categories of space and time.

УДК 821.111(73)-31.09*Д.Браун

А. В. ЗЕМЛЯНСЬКА

м. Мелітополь, Таврійський державний агротехнологічний університет імені Дмитра Моторного

М. О. СКРИПЕЦЬ

м. Мелітополь, Мелітопольський НВК № 16 ММР ЗО

ЖАНРОВА ЕКЛЕКТИКА РОМАНУ ДЕНА БРАУНА «ЯНГОЛИ І ДЕМОНИ»

Статтю присвячено жанровим особливостям роману американського автора бестселерів. Визначено, що вплив постмодерністської естетики позначився на жанровій системі сучасної масової літератури. Роман «Янголи і демони» було розглянуто з позиції наявності в ньому елементів класичного (інтелектуального) детективу, трилера та арт-детективу. Зроблено висновок, що жанрова еkleктика творів митця є свідченням культурних змін у сучасному соціумі та наслідком глобалізаційних процесів, що вплинули на стирання меж між історичними епохами, інтелектуальним та культурним надбанням людства, демонстрацією їх можливостей у майбутньому.

Сучасна детективна література представлена по всьому світові багатьма жанровими формами й різновидами. Вони формуються на основі тематико-проблематичних, сюжетно-композиційних, стилістичних, образних характеристик, обумовлених інтересами й запитам читачів. Їх існування й розвиток на сьогодні активно обговорюються літературознавцями і критиками.